

Лейкин Николай Александрович

Наши забавники

Картинки с натуры

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63   **Николай Александрович Л.**
Наши забавники: Картинки с натуры / Лейкин Николай Александрович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 304 с.

ISBN 978-5-519-92920-2

ISBN 978-5-519-92920-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОВѢСТЬ ОЧИСТИЛЪ...

Дѣло было на первой недѣлѣ великаго поста ..

Еще на масляной купецъ Аверкій Тихонычъ Сѣделкинъ былъ задумчивъ, ходилъ хмурый, шептался съ своимъ старшимъ приказчикомъ, по ночамъ плохо спалъ, то и дѣло заглядывалъ въ торговыя книги, брякалъ на счетахъ, и хотъ былъ великій бражникъ, но не увлекся масляничнымъ весельемъ и ни разу не напился пьянъ. Онъ то и дѣло вздыхалъ и говорилъ: «Боже очисти мя грѣшнаго!»

— Что съ тобой, Аверкій Тихонычъ? спрашивала его жена.

— Засадъ въ головѣ. Молчи. Послѣ узнаешь, махалъ онъ рукой и отвертывался въ сторону.

О «засадѣ» жена узнала въ чистый понедѣльникъ. Вечеромъ Сѣделкинъ сходилъ въ баню, послѣ бани сѣлъ пить чай съ медомъ, и оставшись наединѣ съ женой, сказалъ ей:

— Завтра у насъ мобилизація будетъ. Соберутся ко мнѣ кредиторы чайку попить, такъ ты серебрянныя-то ложки имъ подъ носъ не суй, а подай къ чаю мельхиоровыя.

— Господи! Въ такіе постные дни и вдругъ гостѣще созываешь!—всплеснула руками жена.

— Пелагея Андревна, коли Богъ тебѣ ума не далъ, то прикуси языкъ и внимай, что мужъ говоритъ,—далъ отвѣтъ Сѣделкинъ.—Нешто я бражничество затѣваю? Я зову кредиторовъ, чтобъ о долгахъ моихъ съ ними поговорить. Дѣлишки стали плохи. Ребятишекъ къ вечеру одѣнь въ худенькія рубашонки да и сама одѣнься поплоче. Да бриліантъ-то съ перста сними.

— Это зачѣмъ-же?

— Дура была, дурой и останешься... Зачѣмъ! Чтобъ жалость къ себѣ въ кредиторахъ водрузить и чтобъ они къ намъ чувства почувствовали. Теперича я весь въ ихъ рукахъ. Вчера ходилъ съ еристекомъ и предлагалъ имъ за мои векселя по три гривенника за рубль.

— Сдѣлку съ кредиторами хочешь сдѣлать? спросила жена.

— Ну вотъ, насилу-то надумалась! Ежели все окончится благополучно и они подъ еристекомъ свое согласіе подпишутъ, тогда тебѣ къ Вербной недѣлѣ бархатное пальто со стеклярусомъ сошью.

— Господи! спаси и помилуй! перекрестилась жена.— А вдругъ ежели кредиторы не согласятся и въ долговое на казенные хлѣба тебя посадятъ? спросила она.

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ, а только не разсечетъ имъ. Какая музыка можетъ выдти? Объявять несостоятельнымъ, такъ конкурсъ-то и гривенника за рубль не дастъ. Конкурсъ при несостоятельности все равно, что шука среди снятковъ. Все проглотить. Да, наконецъ, зачѣмъ-же я въ прошломъ году и большую лавку-то на тебя перевелъ? Вѣдь отъ нея теперь кредитору не укусить, ты хозяйка, а я самъ торгую только въ махонькой лавочкѣ. Охъ, ежели только это дѣло устроится—пудовую свѣцу водружу, а къ себѣ въ деревню на родину колоколъ на колокольню!.. закончилъ Сѣделкинъ.

На утро у Сѣделкина служили молебенъ съ водосвятиемъ, а вечеромъ, часовъ около восьми, начали собираться кредиторы. Самъ хозяинъ встрѣчалъ ихъ съ постнымъ, печальнымъ лицомъ и въ старомъ потертомъ сертукѣ. Изъ гостиной были убраны бронзовые часы и канделябры, дабы не «мозолить глаза» кредиторамъ. Жена проходила по комнатамъ съ заплаканными глазами, и встрѣчаясь съ шушующимися ребятишками, давала имъ подзатыльники и заставляла молчать. Въ гостиной былъ раскрытъ ломберный столъ и на немъ лежали торговые книги и счета съ крупными костяжками.

Первымъ пріѣхалъ жирный купецъ Скрипицынъ съ рѣдкой рыжей бородой. Отыскавъ въ углу образъ, онъ перекрестился, подошелъ къ хозяину, и подавая ему руку, сказалъ:

— По настоящему по твоей короткой совѣсти и здороваться-то съ тобой не слѣдъ. Вѣдь ты меня совсѣмъ на лѣвую ногу обдѣлалъ. Только за недѣлю передъ масляницей ты у меня

миткалевого товару на двѣ тысячи взялъ. Какъ эта окупация по твоему называется?

— Эхъ, не осуди и не осужденъ будешь! развель руками хозяинъ.— Несчастіе .. Думаль вывернусь.

— Чорта въ стулѣ—вывернусь! Куда дѣвалъ? Въ долги не продаешь. Ну, да вотъ что... Это твое дѣло, торговое. А только и я свою политику долженъ гнуть, чтобъ выгоду имѣть. Ты предлагаешь по два пятиалтынныхъ за рубль—ладно, я пишу свое согласіе для видимости, но такъ, чтобъ мнѣ полтину, вмѣсто трехъ гривенниковъ.

— Чудакъ человѣкъ, да откуда-же взять-то? возразилъ хозяинъ.

— Это ужъ твое дѣло. Хоть роди, а подай. Пошарь—найдешь. Неужто я повѣрю, что ты ничего не припряталъ?

— Да вѣдь тогда будутъ и другіе по полтинѣ требовать.

— Не потребуютъ. Я самъ на три гривенника соглашать ихъ буду, а что на счетъ полтины, то это будетъ тайное междоуметіе промежъ насъ. Понялъ? Рѣшай, а то всѣхъ кредиторовъ разобью, объявимъ тебя несостоятельнымъ, посадимъ въ долговое да еще крендель туда тебѣ на новоселье пришлемъ, продолжалъ Скрипицынъ.—Смотри, ты моему племяннику три тысячи долженъ; стоитъ мнѣ только слово ему сказать, такъ онъ и трехъ четвертаковъ за рубль не возьметъ, а коли мнѣ супротивъ другихъ полтину, тогда я его и Карла Богданыча науськую на соглашеніе, по твоему аресту. Ходить?

Эхъ ужъ и воръ-же ты мужикъ! Всю душу вымотаешь. пропенталъ хозяинъ.

— Съ ворами и воровское обхожденіе нужно имѣть, отвѣчалъ Скрипицынъ.

— Ну, дѣлать нечего! Давай руку изъ полы въ полу! Согласенъ.

Должникъ и кредиторъ протянули другъ другу руки и pokrыли ихъ полами сертуковъ.

Въ прихожей раздался звонокъ. Вошелъ второй кредиторъ—длинный, сухопарый и сѣдой нѣмецъ Карлъ Богданычъ, у котораго Сѣделкинъ покупалъ заграничные шелковые товары. Поздоровавшись съ жирнымъ Скрипицынымъ, онъ обратился къ хозяину:

— Слышу про тебя, господинъ Сѣделкинъ, и ушамъ своимъ не вѣрю! сказалъ онъ.—Эдакій ты былъ акуратный плательщикъ, и вдругъ... Но я тебѣ одно не прощу: взялъ ты у меня десять кусковъ бархату и сейчасъ-же продалъ его своему сосѣду съ уступкой. Это захватъ. Такъ честная комерція не ведется. Значить ты приготовлялся къ банкротству...

— Несчастіе... Запутался... А тутъ сроки векселей подступили, ну, я и продалъ бархатъ на платежъ, твердилъ хозяинъ.

— Просто голову онъ потерялъ, Карлъ Богданычъ, вступился Скрипицынъ.—Тутъ все равно что запойство, такъ что даже можно до зеленого змія дойти. Хоша онъ мнѣ и много долженъ, но я все таки его сторону возьму. Банкроты всегда не по поступкамъ поступаютъ. У меня одному должнику такая меланхолія въ голову вступила, что онъ передъ сдѣлкой корбку спичекъ съѣлъ.

— Карлъ Богданычъ, вѣрьте совѣсти—двѣ недѣли уже по ночамъ не сплю отъ страха и все чудится, что не то драть меня ведутъ, не то въ подводное подземелье сажать, сказалъ хозяинъ.—Вчера только завелъ глаза—три смертные шкилета приснились.

Это заставило улыбнуться добродушнаго нѣмца.

— Шалунъ какъ кошка, а трусъ какъ заяцъ, погрозилъ онъ ему пальцемъ.

— Не дайте погибнуть съ младенцами... Четверо вѣдь ихъ у меня и все мала-мала меньше, а пятого послѣ пасхи жду, продолжалъ кланяться хозяинъ.

Скрипицынъ отвелъ Карла Богданыча въ сторону и началъ его уговаривать.

Въ это время съѣзжались остальные кредиторы. Пришелъ «цибулизированный» еврей, выдающій себя за нѣмца и старающійся оде-колономъ задушить чесночный запахъ. Онъ бѣгалъ по комнатѣ и кричалъ:

— Это бессмысленность! Какая же послѣ этого можетъ быть комерція? Я своей претензій не прощу и даже девяносто девять копѣекъ не возьму!

Хозяинъ ходилъ за нимъ слѣдомъ и шепталъ:

— Маврикій Моисѣвичъ, господинъ Борухмамъ, разорить вы меня можете, но какая изъ этого польза? А примите по тридцати копѣекъ, а потомъ и наверстывайте на товаръ. Вѣдь

ежели вы меня спасете и я буду продолжать торговать, то у васъ-же буду покупать товаръ на наличныя. Ну, какъ я безъ вашего товара обойдусь? Значить я опять въ вашихъ рукахъ...

Вслѣдъ за евреемъ пришли еще два русскіе купца и одинъ англичанинъ въ рыжей жакетной парѣ, подъ цвѣтъ своимъ волосамъ. Сѣделкинъ поклонился англичанину. Тотъ кивнулъ головой и чтобъ не подать руки должнику, спряталъ руки въ брючные карманы и отвернулся. Два русскихъ купца вздыхали и поглаживали бороды.

— Ужъ и затѣяль-же ты эту самую магію въ такіе дни! По благочестію говѣть-бы надо идти да душу свою сокращать, а тутъ иди съ тобой ругаться, сказалъ одинъ изъ нихъ должнику.

— Въ карты, что ли проѣрилъ? спросилъ второй.—Можетъ бакара эта самая на тебя дѣйствіе имѣла или стуколка?

— Въ руки картъ не беру. Развѣ по маленькой... оправдывался должникъ.

— Врешь, врешь! Я самъ у тебя въ стуклятину двѣсти рублей на святкахъ выудилъ.

Пришелъ тестъ Сѣделкина одинъ изъ крупныхъ кредиторовъ.

— Подставной... зашептались кредиторы. Ну, какой товаръ могъ у своего тестя суровщикъ Сѣделкинъ покупать, коли его тестъ строевымъ лѣсомъ да известкой торгуетъ!

— Всѣ собрались? спросилъ Карлъ Богданычъ.

— Почти что всѣ... Разные мелкіе еще не прибыли.

— Въ такомъ случаѣ мы можемъ начать обсужденіе дѣлъ.

Всѣ сѣли и начали разсматривать торговый балансъ и ре-эстръ долгамъ. Сѣделкинъ стоялъ передъ ними какъ на иголкахъ.

— Книги коммерческія надо прежде всего разсмотрѣть, книги!—кричалъ еврей.

— Что книги! перебилъ его Скрипицынъ.—Эта самая литература нечего не покажетъ, потому ежели булгактеру лишнюю сотню пожертвовать, то онъ тебѣ такіе вавилоны наставитъ, что можно понимать въ тринадцати смыслахъ.

— Однако, ежели правильная двойная бухгалтерія...

— Двойная-то бухгалтерія еще больше тумана напускаетъ.

— Позвольте, господа, должны-же мы прежде всего спросить должника, перебилъ спорящихъ Карлъ Богданычъ.—Господинъ Сѣделкинъ, что васъ привело къ разоренію?

— Несчастіе-съ, отвѣчалъ должникъ. — Просто какъ на бѣднаго Макара шишки повалились и пошелъ во всемъ ущербъ.

— Однако, были-же какія нибудь причины вашего несчастія?

— Спервоначалу курсъ, а потомъ золотая пошлина.

— Но вѣдь вы сами товаръ изъ-заграницы не выписывали, такъ причемъ-же тутъ курсъ и пошлина?

Должникъ замялся.

— Все таки были основанія... сказалъ онъ.—Кромѣ того, торговля упала. Уповали на гвардію, а вышло совсѣмъ напротивъ.

— Чума вашей торговлѣ не повредила-ли? пошутить англичанинъ.

— Съ одной стороны и чума, потому покупатели чувствовали упованіе, а при чумѣ трепеть, такъ до нарядовъ-ли?

Всѣ расхохотались.

— Такъ вѣдь наряды-то не изъ Ветлянской станицы сюда приходятъ.

— Это точно, но все-таки...

Сѣделкинъ совсѣмъ растерялся. На глазахъ его показались слезы, искусственные или натуральные—Богъ вѣсть. Онъ приложилъ руку къ груди и началъ:

— Господа добродѣтельные кредиторы! Передъ вами весь я тутъ со всѣми моими потрохами. Что хотите, то и сдѣлайте со мной. Ежели злое желаніе съ вашей стороны, то могу завтра-же быть на казенныхъ хлѣбахъ. Но какая вамъ корысть губить душу семейнаго человѣка, обремененнаго трепетною женою и невинными младенцами? Отнявъ у меня руки, вы помраченія моимъ дѣламъ сдѣлаете, а у меня такой вопль, чтобъ работать на пользу вашу и когда буду въ силѣ, то уплатить вамъ убытки по чувству христіанскаго долга; нынѣ дни поста и молитвы, и добрыхъ дѣлъ, а потому молю о благодѣянніи въ вашемъ благоутробіи—не губите отца семейства съ малыми ребятишками! За симъ кланяюсь земно.

Сѣделкинъ опустилсѣ на колѣни и поклонился кредиторамъ въ ноги.

— Воръ-мужикъ!—шепнулъ одинъ купецъ другому.

— Что говорить! Знаеть, гдѣ нужно музыку подпустить, и какъ въ эту самую жилу попасть.

— Господинъ Сѣделкинъ, не унижайте себя и встаньте! возгласилъ нѣмецъ.

— Не встану, Карлъ Богданычъ, пока кредиторы согласіе на ерестѣ мнѣ не подпишутъ, стоялъ на своемъ должникъ.

Въ это время двое маленькихъ сыновей его явились въ гостиную съ подносами. Они несли стаканы съ чаемъ для кредиторовъ. Сзади слѣдовала жена съ булками.

— Дѣти! Невинныя ребятишечки! Встаньте на колѣни и просите дядей за вашего отца, продолжалъ Сѣделкинъ. — Сашенька, Митенька, встаньте!...

Мальчики недоумѣвали и стояли, разинувъ рты отъ удивленія. Они не были къ этому приготовлены, но въ это время сзади ихъ, раздавался плачь матери. Она опустилась на колѣни рядомъ съ мужемъ и дергала дѣтей за рубашечки и принуждала ихъ къ колѣнопреклоненію.

— Что за возмутительная картина! воскликнулъ англичанинъ. Господа кредиторы, удалимте ихъ. Это ни на что непохоже!

Но возмутительная картина вскорѣ превратилась въ комическую. Одинъ изъ мальчиковъ, понукаемыхъ матерью, сталъ на колѣни, но при этомъ уронилъ съ подноса стаканъ и громко сказалъ:

— Это не я, маменька... А оттого что вы въ спину толкаетесь.

Никто не могъ воздержаться отъ улыбки, а Сѣделкинъ все таки не унимался и продолжалъ:

— Возрите на беременную женщину, умоляющую васъ во прахѣ!...

— Господинъ Сѣделкинъ, встаньте-же, ежели васъ просятъ, повторилъ Карлъ Богданычъ. — Кромѣ того, мы просимъ васъ удалиться, такъ какъ въ ваше отсутствіе хотимъ потолковать о вашихъ дѣлахъ. При васъ намъ неудобно...

Сѣделкинъ не поднимался.

— Встань-же, коли тебѣ говорятъ! крикнулъ на него тестъ, сидѣвшій съ кредиторами.

Дѣтей и жену бросился поднимать англичанинъ. Сѣделкинъ всталъ, и схватившись за голову, вышелъ вонъ изъ гостиной. Кредиторы, взявъ отъ мальчиковъ по стакану чаю, остались одни. Началось обсужденіе.

— Вы что-же вашему зятю продавали, имѣя такія большія

претензіи?—спросили старика тестя.—Вѣдь у васъ лѣсной дворъ, а не мануфактурный товаръ.

— Векселя евонные скупаль, такъ какъ онъ давно запутавшись, отвѣчалъ тесть.—А лѣсной дворъ тутъ не причесть. Конечно, это я больше дѣлалъ изъ жалости къ дочери. Судите сами: вѣдь она кровь моя, мое рожденіе.... Опять же и ребятишки, все таки внуки приходятся... Хоша этотъ зять вотъ гдѣ у меня сидить, но я все таки согласенъ взять по тридцати копѣекъ за рубль...

Тесть указалъ себѣ на затылокъ и махнулъ рукой.

— Я тоже согласенъ, хоть сейчасъ подпишу, отвѣтилъ Скрипицынъ.—Надо его пожалѣть съ малыми ребятами. У меня у самого пискуновъ-то этихъ напорядкахъ, такъ тоже чувство...

— А я не согласенъ, вставилъ свое слово еврей.—Я знаю, что тутъ умышленное банкротство и деньги у него припрятаны.

— И то припрятаны на малую толику—это вѣрно, проговорилъ одинъ русскій купецъ.—Но кто-жъ изъ насъ не припрятчетъ, коли сдѣлку съ кредиторами дѣлать будетъ? Порядокъ извѣстный!

— Однако-жъ, каково это кредитору чувствовать? возразилъ еврей.—Деньги мои.

— Не зарѣкайся, господинъ! Можетъ и самъ ту же механику подведешь, коли туго придется, оборзалъ его купецъ.—Нонѣ времена-то для торговли совсѣмъ купоросъ... А мы всѣ подъ Богомъ ходимъ. Одно только, что ваша братья привыкла отъ долговъ-то за границу бѣгать.

— Однако, ужъ это оскорбленіе? Господа, прошу прислушать и пусть свидѣтели...

— Оставьте, полно вамъ!... останавливали спорящихъ.—Карлъ Богданычъ, вы согласны на тридцать копѣекъ?

— Ежели всѣ согласны, то и я согласенъ, отвѣчалъ нѣмецъ.

— Я не согласенъ и въ окружной судъ! Въ комерческій судъ! не унимался еврей.

— А вы Вильямъ Карлычъ?—спрашивали англичанина.

— И радъ бы не согласиться, да ничего сдѣлать нельзя: большая лавка у него на жену переведена, отвѣчалъ англичанинъ.

— Какъ на жену?... воскликнули въ одинъ голосъ кредиторы.

— Это, господа, ничего не значить, успокоивалъ ихъ тесть.

Лавка точно что у него переведена на жену съ полъ года тому назадъ, но просто для счастья, а не изъ-за какихъ либо фокусовъ. Самому ему не везла торговля, вотъ онъ и перевелъ на жену.

— Знаемъ мы эти переводы-то для счастья! замѣтилъ русскій купецъ.—Ну, а коли переведена, то тутъ и разговаривать нечего, а надо брать за рубль почемъ даетъ да и подписывать скорѣй ерестикъ.

Черезъ пять минутъ почти всѣ пришли къ соглашенію, даже и еврей. Призвали должника. Тотъ явился опять съ мальчиками и велъ ихъ за руки.

— Неужели вы не можете дать хоть тридцать-то пять копѣекъ? спросилъ его кредиторъ-нѣмецъ.—Подумайте и накиньте хоть пятачекъ...

— Карлъ Богдановичъ! возгласилъ Сѣделкинъ.—Взгляните вы въ ясные очи этихъ невинныхъ младенцевъ...

— Довольно, довольно! Собраніе кредиторовъ согласно и сейчасъ скрѣпить подписями.

Сѣделкинъ снова повалился въ ноги и увлекъ за собой дѣтей.

Черезъ полчаса реэстръ былъ подписанъ всѣми и кредиторы уходили домой. Въ прихожей слышался довольно громкій возгласъ: «Конечно, мошенникъ, да вѣдь чтожъ съ нимъ подѣлаешь, ежели лавка передана?»

Сѣделкинъ, оставшись одинъ, перекрестился.

— Слава Богу, очистилъ свою совѣсть! сказалъ онъ, и пойдя къ женѣ, поцѣловалъ ее.

— Ну, Пелагея Андревна, ступай завтра по церквямъ свѣчи ставить, а за мной считай къ Вербной недѣлѣ новое бархатное пальто со стеклярусомъ! закончилъ онъ и умолкъ, отирая платкомъ выступившій на лбу обильный потъ.

ВЪ ОПУСТѢЛЫХЪ ДАЧАХЪ.

Сентябрь. На Черной Рѣчкѣ грязь, слякоть. Небо хмуро, нависли сѣрыя тучи, и какъ сквозь сито сѣетъ упорный мелкій дождь. Почти всѣ съѣхали съ дачъ. Остались, по выраженію дворниковъ, только оглашенные. Воютъ на дворахъ голодные псы, съ трудомъ привыкая къ голодухѣ, послѣ лѣтнихъ подачекъ дачниковъ. Дворники пропили полученные на чай деньги, избили женъ, бродятъ по опустѣлымъ дачамъ, отыскивая, не забыли ли чего такого въ нихъ жильцы, чтобы можно было продать и на вырученные деньги опохмѣлиться, но тщетно. Оставшіяся лекарственныя банки и бутылки давно проданы и деньги пропиты.

— Эхъ, проклятые!—разводитъ руками дворникъ, бродя по комнатамъ пустой дачи, съ трубкой въ зубахъ.—Ну, чтобы хоть какую ни на есть путную вещь забыть, а тутъ нѣтъ, все вывезли. Вѣдь бываетъ же людямъ счастье! Вонъ на Сидоровой дачѣ господя сережку золотую потеряли и дворникъ послѣ отъѣзда въ углу ее нашель; на погребѣ три бутылки вина оставили, а эти несчастные даже гвозди изъ стѣнъ повытаскали!

Слѣдомъ за дворникомъ ходитъ дворничиха съ подбитымъ глазомъ. За юбку ея держится годовалый сынишко и реветъ.

— Не реви, мерзавецъ, и безъ тебя скучно!—кричитъ она и даетъ мальчишкѣ подзатыльникъ. — Парамонъ Гаврилычъ! Да брось ты искать! Я ужъ все выискала,—ничего нѣтъ. Ну, шутка ли хмѣльной и съ трубкой! Вдругъ на грѣхъ заронишь, обращается она къ мужу.

Дворникъ не отвѣчаетъ на ея слова и подбоченившись осматриваетъ комнату.